

чэсьць: Што ёсць — не есць. (В. Вітка. Добры госць); Усяк бывае, і жабрак пану грош кідае... Дзе наша не прападала. Прапала вяроўка, прападай кароўка. (Л. Радзевіч. Блуднікі). Тут у каламбурную гульнію слоў уступаюць апошні кампанент фразеалагізма «дзе наша не прападала» і аднакарэнныя з гэтым кампанентам дзеясловы прапала, прападай у складзе прыказкі. Усё ж такія выпадкі да паранамазіі могуць быць аднесены толькі ўмоўна.

Паранамазія ў лінгвістычнай літаратуры слухна называецца цікавай стылістычнай фігурай⁶. Яна ўжываецца ў розных стылях мовы, але асаблівае пашырэнне набыла ў мастацкай літаратуры, дзе з'яўляецца адным з дзейсных і эфектыўных прыёмаў стварэння гумару і сатыры.

¹ Филин Ф. П. Слово и его значение.— Русская речь, 1980, № 3, с. 80.

² Вишнякова О. В. Паронимы современного русского языка.— М., 1981, с. 44.

³ Бельчиков Ю. А. Параномазия.— У кн.: Русский язык: Энциклопедия. М., 1979, с. 199.

⁴ Винокур Т. Г. О языке современной драматургии.— У кн.: Языковые процессы современной русской художественной литературы: Проза.— М., 1977, с. 336.

⁵ Минаева Л. В., Феденев В. Б. Паронимия в языке и речи.— Вопросы языкознания, 1982, № 2, с. 54.

⁶ Гл.: Щербина А. А. О некоторых приемах «заострения слога».— Русский язык в школе, 1975, № 3, с. 80.

Н. А. АВЛАСЕНКО

ОБРАЗНО-МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЛОВСОЧЕТАНИЙ С НАРЕЧИЯМИ

Образное функционирование слова связано прежде всего с развитием в нем дополнительных смысловых оттенков, которые реализуются в словосочетании или более широком контексте. Нарушение общезыковых системных связей слова создает метафорический его смысл. Образность метафоры основана на индивидуально-авторском восприятии действительности. «В метафоре резко выступает строго определенный, единственный субъект с его индивидуальными тенденциями мировосприятия»¹. Следствием метафорического словоупотребления является экспрессия как оценочная категория, которая дает эстетически переживаемое «приращение смысла», воздействует на читателя своей образностью, потому что «слово является одновременно и знаком мысли говорящего и признаком прочих психических переживаний, входящих в задачу и намерение сообщения»². Важно выразить не только свое, авторское понимание какого-либо явления, но заставить сопереживать с ним читателя. В данной статье рассматриваются грамматические особенности, изобразительные возможности и функциональная специфика словосочетаний с метафорическими наречиями, имеющими форму на -о/е в текстах художественных произведений — прозе и поэзии. По словам А. И. Чижик-Полейко, «наречия с суффиксами -о/-е составляют основной массив экспрессивных, эмоциональных, характеризующих, живописующих средств этой части речи»³. Метафоричность наречий — это новая семантическая функция, которая появляется в результате употребления этих наречий в необычном словесном окружении, когда «одна и та же внешняя оболочка слова обрастает побегами новых значений и смыслов»⁴.

Метафоризация наречий имеет свои особенности, которые заключаются в том, что признак наречия, употребленного в переносном значении, косвенно связывается со словом, обозначающим предмет (именем существительным). Связь наречия с именем существительным осуществляется через посредство прилагательных и глаголов, называющих признаки и действия этих слов. Прилагательное или глагол помогают метафоризации наречия, образуя единую смысловую метафорическую структуру. Следовательно, существительные в таких сочетаниях выпол-

няют прямые, номинативные функции и связывают все словосочетание с действительностью, а наречия вместе со связующими компонентами (глаголом или прилагательным) служат средством образного представления изображаемого. Рассмотрим пример: *Крупный мокрый снег лениво кружится* около только что зажженных фонарей (Чехов. Тоска). В данном тексте образно-метафоризированным смыслом наделено словосочетание *снег лениво кружится*. Слова *снег* и *лениво* в речи имеют разное семантическое окружение, в своей смысловой структуре они не содержат никакого общего признака. Но слово *снег* мотивирует выбор предиката *кружится*. Признак, который приписывается этому слову ('1. делать круговые движения; вращаться, вертеться' и '2. делать, описывать круги на лету'⁵), реализует свои первичные функции по отношению к существительному, позволяет при данном глаголе употребить наречие *лениво*. Однако слово *снег*, синтаксически и семантически связанное с предикатом, не допускает сочетания с наречием *лениво*, потому что оно называет признак иного семантического плана. Таким образом, наречие в данном примере получает переносное значение по отношению к существительному через посредство глагола, что и приводит к восприятию всего словосочетания *снег лениво кружится* как средства образного представления описываемой ситуации. Смысловая ассоциация эмоционально-образного характера, мотивированная субъективно-авторским восприятием, связанным с видом снега, основана на смещении обычных лексических связей слова. По этой же модели образованы метафорические сочетания А. М. Горького: *Надежда мягко отскочила, приветно сияют золотые кресты, губы жадно приоткрыты*. В них так же, как и в рассмотренном выше словосочетании, при существительных употребляются предикаты, указывающие на реальное свойство предмета, названного субъектом. Присоединение совместимого с предикатом, но не совместимого с субъектом по смыслу наречия и создает семантическую дуплановость признака. Свообразием семантических отношений между компонентами словосочетания усиливает экспрессивно-образный смысл высказывания в целом.

Оживляется образность, а также экспрессивная насыщенность словосочетания с метафорическим наречием, если глагол или прилагательное употреблены по отношению к существительному не в прямом, а в переносном значении: *Деревянный город Буев тесно сжался на угорье, над рекой Оберихой; дома запутанно кружатся, улицы... лениво расползлись* во все стороны; *переулки слепо натываются* на заборы (М. Горький. По Руси). В данном тексте метафоричны оба члена словосочетаний по отношению к существительным — и глаголы (*город сжался, дома кружатся, улицы расползлись, переулки натываются*), и наречия (*город тесно сжался, дома запутанно кружатся, улицы лениво расползлись, переулки слепо натываются*). Анализ компонентов помогает обосновать языковую возможность сочетания несочетающихся, на первый взгляд, слов. Глаголы здесь употреблены в прямом номинативном значении по отношению к наречиям, но эти значения глаголов не совместимы с лексическим значением существительных, с которыми они координируются. Признаки, заключенные в наречиях и ассоциативно связанные с существительными, мотивированы употреблением предикативных компонентов — глаголов. Но вместе с тем, эти признаки имеют переносное значение по отношению к существительным, в результате чего возникают новые смысловые оттенки наречий, которые помогают автору передать свое мироощущение при описании явлений действительности.

Наблюдения показывают, что при метафорическом употреблении наречий отношения между компонентами словосочетания по степени реализации прямого и переносного значений могут быть различными. Это прежде всего равномерное распределение прямого и переносного значений признака, заключенного в наречии, по отношению к существительному. Оба значения сосуществуют, но степень соотношения этих

значений в каждом конкретном случае неодинакова. Например: Председатель, *антрацитово блеснув глазами*, повысил голос (А. Толстой. Восемнадцатый год). Наречие *антрацитово* совмещает здесь два значения — прямое от прилагательного *антрацитовый* — 'очень черный с блеском' и переносное 'злой, страшный'. Эти два значения реализуются в наречии равномерно. Ср. еще: (*ослик*) вытянул шею и — прискорбно закричал, но, должно быть, ему не понравился свой голос в этот день, — *skonфуженно оборвав крик* на высокой ноте, он встряхнул мохнатыми ушами (М. Горький. Сказки об Италии). Создавая образ сконфуженного ослика (в сочетании *skonфуженно оборвав крик*) автор использует номинативное значение наречия и ситуативное его употребление.

Языковой материал представляет нам возможность наблюдать почти полную нейтрализацию элементов общеязыкового значения метафоризированных наречий. Прямое значение едва ощутимо, хотя непременно улавливается: Сейчас даже посторонний человек сказал бы, что они братья: куда денешь одинаково выпирающие скулы и *нахально лезущие на лоб густые разлохмаченные брови* (В. Распутин. Последний срок). В данном примере образное словосочетание *нахально лезущие на лоб брови* создается по ассоциации *нахально лезть куда-то человеку*, в метафорическом употреблении это значение признака почти утрачивается и на первый план выступает переносное его восприятие — высоко расположенные, широкие, разлохмаченные брови. Прямое значение заменяется образным употреблением⁶.

Изучение особенностей употребления метафорических сочетаний с наречиями позволяет говорить, что главная роль в процессе метафоризации наречий принадлежит основной семантической категории существительного — категории одушевленности — неодушевленности. Именно эта категория определяет основные разновидности расширения лексических связей наречия и является показателем нарушения их обычной сочетаемости. Обновление смыслового объема и образование новых смысловых оттенков наречия происходит в следующих случаях:

1. При переносе выраженных наречиями признаков, свойственных одушевленному существительному, на неодушевленные существительные: *Стены, потолок, лампа и ковер на полу замигали ей насмешливо* (Чехов. Попрыгунья). Насмешливо подмигивать может человек. Этот признак наречия с помощью глагола переносится на неживые предметы окружающей среды, быта — *стены, потолок, лампу*. В результате такого переноса и создается метафорически-образное, эмоциональное сочетание, усиливается его воздействующая сила. Образно-метафоричны и следующие сочетания, в которых признаки, названные наречиями и свойственные одушевленному предметам, приписываются 'неодушевленному': *густо жметса крапива, коварно обжигая малых ребят; овраг вычурно изгрыз землю; земля любовно подбрасывает его; скучно желтые цветы* (М. Горький. По Руси). Первичное значение употребленных в словосочетаниях наречий связано с человеком. Это значение не утрачивается полностью, поэтому налицо игра двух значений — прямого и переносного.

2. При переносе признаков, свойственных неодушевленному предметам, на явления, характерные для человека, свойственные миру человека: Она так прекрасна, что *непролазно сонные будочки* смотрели ей вслед по улице (Вс. Иванов. При Бородине). Смысловое содержание наречия *непролазно* предполагает употребление неодушевленного существительного. В данном примере это наречие через прилагательное *сонные* соотносится с одушевленным существительным *будочки*, создавая тем самым образно-метафорическое значение. Образное восприятие создается также в подобных сочетаниях: *сухо спрашивал, тускло посмотрел, мягко говорил* (М. Горький. По Руси).

3. В результате переносного употребления наречий в пределах грамматической категории одушевленности—неодушевленности. Наречия вводятся в состав словосочетаний семантически несовместимых слов, но в

пределах одушевленности или неодушевленности. Рассмотрим пример: Не забитые досками два окна плюшкинского дома были тоже подслеповаты. И вообще в хозяйстве Плюшкина *все глядело* ныне *пасмурно* (Гоголь. Мертвые души). Семантический признак, заключенный в наречии *пасмурно*, свойствен неодушевленным существительным. В данном примере этот признак с помощью глагола характеризует тоже неодушевленное местоимение-существительное *все* в сочетании *все глядело пасмурно*. Сочетание приобретает выразительность за счет переносного употребления и наречия, и глагола. Семантический признак наречия *пасмурно* совершенно иного плана, чем семантический признак обобщающего слова *все*, в семантику которого включены наименования предметов хозяйства плюшкинского дома. Ассоциативное их употребление в одном сочетании создает переносный смысл, позволяя автору таким путем усилить образность сказанного. То же можно видеть и в следующем примере: *Облачно встают* из моря *берега* (М. Горький. Сказки об Италии). Неодушевленное существительное *берега* характеризуется признаком, свойственным также неодушевленному предмету,— *облачно*. Художественная выразительность создается в результате совмещения номинативного значения и переносного употребления и глагола, и наречия.

В процесс метафоризации включаются наречия, мотивированные качественными и относительными прилагательными. Они являются основным источником семантического преобразования наречий и широко используются для образной передачи мысли. Метафорические наречия ассоциативно характеризуют существительные, несовместимые с наречиями по своей семантике. Словосочетания с качественными наречиями через глагол или прилагательное дают оценочную характеристику таким существительным, наречия в них расширяют свой смысловой объем за счет возникновения переносных значений: *некоторые из облаков... смотрят внимательно* на людей (Евтушенко); *пароходы грустно*, по-собачьи *лают* (Симонов); *двери и окна миловидно глядели* (Гоголь).

Большой экспрессивностью обладают метафоры-наречия, мотивированные относительными прилагательными. Известно, что окачествление отосительных прилагательных всегда сопровождается метафоризацией. При метафоризации наречий, как и соответствующих прилагательных, активизируется качественный отвлеченный признак, который совмещается со значением предметности. В таких метафорах прямое значение, вытекающее из их семантической структуры, сливается с переносным. Отождествление происходит в воображении, создавая образное восприятие сказанного: *Волга дышит смолисто* (Евтушенко. Братская ГЭС); *Звучат бомбежки ураганно* (там же); *Голос звучал жестяно* (М. Горький. По Руси). Выразительность создается прежде всего в результате смысловой ассоциации с номинативным значением наречия. Непривычные для наречия лексические связи способствуют проявлению его эмоционально-изобразительной функции.

Как показывает материал, наиболее активно вовлекаются в процесс метафоризации наречия, мотивированные относительными прилагательными с суффиксальным показателем *-н-*. Такие наречия чаще, чем другие структурные типы наречий, способны расширять свои семантические связи с другими словами: *Вел ее есаул... с деревянно твердыми загибами* властного бритого рта (Шолохов. Тихий Дон); *Юнцы* хмельные, дюжие напротив *стали каменно* (Евтушенко. Под кожей статуи свободы). Метафорическое значение такого типа наречий возникает на базе их основного номинативного значения. Выразительность зависит от того, насколько отчетливо проявляется в них взаимосвязь метафорического и исходного значений.

Творческая, индивидуальная манера писателя выявляет новые семантические оттенки у наречий, использование которых усиливает экспрессию контекста, уточняет смысловую наполняемость художественного образа. Особенно ярко изобразительные функции наречий проявля-

ются в индивидуально-авторских, в основном, поэтических метафорах. «Поэтическая метафора представляет собой образное выражение какого-либо непривычного и трудно уловимого сознанием сходства»⁷. Определительные наречия представляют неисчерпаемый источник таких возможностей. Метафорические наречия в поэтическом контексте призваны выразить смысловые оттенки и экспрессивно-образные признаки, для актуализации которых в языке нет более точных, кратких, образительных средств: Когда и *безвязыко и незряче она брела* сквозь плети, батожье, *явился Пушкин* просто и *прозрачно* как самосознание ее (Евтушенко. Братская ГЭС); *Глаза старух, глядящие иконно* (там же); *Я смотрела пригвожденно* (там же). Формирование такого рода метафор отражает прежде всего авторскую позицию, позволяет расширить рамки образного выражения постоянно меняющихся индивидуально воспринятых картин действительности.

Иногда авторское метафорическое употребление наречия не осознается в минимальном контексте — словосочетаниях, образительность их возникает при осмыслении более широкого текста. Например: Но быть хорошими, значит ли жить стерильными ангелочками? Не станцевать, не спеть, не сострить, не выпить пива, не закурить, короче: *крахмально белея быть платочками-уголочками* (Эд. Асадов. Отцы и дети). Метафорическое сочетание *крахмально белея быть платочками-уголочками* отличается прежде всего отсутствием четких семантических границ, так как эта метафора мотивирована предыдущей *жить стерильными ангелочками*, которая также зависима от более широкого контекста. Метафорическое оценочно-характеристическое содержание наречия *крахмально* нельзя четко представить без включения его в состав всего метафорического многокомпонентного высказывания. В данном случае можно говорить о контекстуально-образном употреблении наречия.

Особой выразительностью отличаются метафорические наречия, представляющие собой сложные образования. В таких сложных образованиях обычно первый компонент уточняет номинативное значение второго. Подобные метафорические наречия часто встречаются в поэзии Е. Евтушенко: И смущенно и *доброглазо поднимали*, как будто отцы.; (Братская ГЭС); *Пирамида остроугольно смотрит* (там же); И вставали у подножья Братской ГЭС, подумал я о Маяковском сразу, как будто он костисто *крупноглазо* в ее могучем облике *воскрес* (там же). Образное восприятие происходит прежде всего на основе конкретных представлений, заключенных в семантике обоих компонентов сложного наречия. Обновление лексических связей обогащает его эмоционально-смысловой объем.

Итак, определительные наречия, мотивированные качественными и относительными прилагательными, обладают неограниченными возможностями в выражении ярких, свежих оценочных характеристик путем преобразования их семантической структуры.

¹ Виноградов В. В. Стиль Пушкина.— М., 1941, с. 89.

² Виноградов В. В. Русский язык.— М., 1941, с. 19.

³ Чижик-Полейко А. И. Стилистика русского языка, ч. 2.— Воронеж, 1964, с. 207.

⁴ Виноградов В. В. Русский язык, с. 14.

⁵ Словарь современного русского литературного языка в 17-ти томах.— М., 1959, с. 1728.

⁶ Следует отметить метафорические штампы типа: горячо говорит, глубоко убежден, тяжело слушать, сухо разговаривает, больно оскорблял и др., в которых полностью стерто прежнее номинативное значение наречий. Метафорическое значение становится средством оценочной характеристики, интенсивности чего-либо.

⁷ Кожин А. Н. Переносное употребление слова.— РЯШ, 1954, № 3, с. 21.